

Анатолий Клепов

ЭРОТИКА ЗАГНИВАЮЩЕГО ИМПЕРИАЛИЗМА

18+

Анатолий Клепов

**Эротика загнивающего
империализма**

«Автор»

2026

Клепов А.

Эротика загнивающего империализма / А. Клепов — «Автор»,
2026

Как киномеханик перевернул мышление советской элиты — и приблизил конец великой страны. Лето 1980-го. Москва готовится к Олимпиаде. А в подмосковном пионерском лагере на берегу реки идёт своя жизнь: дети, горны, линейки. Время, когда за чистый спирт можно достать практически всё. Киномеханику выдают спирт на ремонт старой АТС. Но он пускает его в ход иначе: выменивает на спирт фильмы из спецфонда ЦК КПСС — те ленты, что запрещены в СССР. И показывает их руководству страны, которое по вечерам тайно приезжает в лагерь смотреть запретное. В головы строителей социализма проникает то, с чем они официально борются. Великая держава, владевшая интеллектуальной собственностью на триллионы долларов, заморожено смотрела на импортный ширпотреб — и однажды обменяла на него всё, чем была богата. Сатирический роман в духе Зощенко — книга парадоксов о стране, что запрещала народу то, чем втайне наслаждалась сама. Чем обернётся одна канистра спирта для целой империи?

© Клепов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
ГЛАВА 1. ИНЖЕНЕР ПОЛУЧАЕТ ОТВЕТСТВЕННОЕ ЗАДАНИЕ	8
ГЛАВА 2. ТЕХНИЧЕСКИЕ НОРМЫ РАСХОДА СПИРТА КАК ПРЕДМЕТ АДМИНИСТРАТИВНОГО ТОРГА	14
ГЛАВА 3. НАПУТСТВИЕ	19
ГЛАВА 4. «Лагерь «Заря коммунизма» встречает специалиста»	23
ГЛАВА 5. «Первый осмотр хозяйства показывает полную картину»	26
Глава 6. «Спирт начинает решать проблемы»	31
Глава 7. «Открытие лагеря»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анатолий Клепов

Эротика загнивающего империализма

Это художественное произведение. Все персонажи, имена, названия организаций, учреждений, должностей и событий вымышлены автором или используются в художественных целях. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), организациями, событиями или местами являются случайными и непреднамеренными.

Упоминания исторических реалий, учреждений и общественных институтов приведены исключительно для создания художественной атмосферы эпохи и не являются утверждениями о деятельности конкретных лиц или организаций

Пролог

2003 год. Москва. Июнь.

Чемодан не закрывался.

Сергей сидел на полу среди коробок и папок. За двадцать лет человек успевает накопить слишком много вещей, которые жалко выбросить и невозможно увезти. На столе лежали три папки — передача прав на разработки, контракты для каждого из восьми человек команды, юридические соглашения сразу в двух странах. Швейцарские юристы слали поправки уже в пятый раз. Московские отвечали через неделю, если отвечали вообще.

Три года он ходил по министерствам, фондам, частным инвесторам и везде слышал одно и то же: зачем разрабатывать самим, если можно купить готовое на Западе. Быстрее. Дешевле. Надёжнее. Те же слова, которые он впервые услышал ещё тогда, на крыльце пионерлагеря, под шашлык и хороший коньяк, — только тогда он не понял, что это были слова, которыми хоронят страну.

Швейцарцы прислали контракт на сорок страниц и короткое письмо — они очень ждут его и его работу. За все эти годы никто в России не написал ему ничего подобного. Там, за границей, его шифраторы были нужны. Здесь — нет. Здесь всё можно было купить.

Это и было самое страшное. Не то, что его звали. А то, что больше не держало.

Он умел делать то, чего нельзя достать ни за какие деньги, потому что этого нет ни у кого, кроме тебя. Однажды эта его привычка — не доставать, а создавать — удержала российскую финансовую систему на самом краю, когда поток фальшивых авизо хлынул на банк, как вода в трюм. Тогда казалось: ради таких дней всё и затевалось. А теперь оказалось, что спасённый им осколок никому больше не нужен. Страна, которую он спас, отворачивалась от него медленно и буднично — как сосед, который перестал здороваться.

Убирая последнюю стопку бумаг со стола, он нашёл под ней тетрадь.

Обычная общая тетрадь в клеточку. Обложка выгорела до неопределённого цвета. На ней его собственным почерком — почерком двадцатишестилетнего человека, резким и торопливым — было написано одно слово: *Лагерь*.

Сергей не открывал её двадцать три года.

Опустившись обратно на пол, он раскрыл тетрадь на первой странице и увидел дату — июнь 1980 года — и сразу вспомнилось всё. Жара. Запах сосен. Голоса детей за окном. Старая гудящая АТС в углу административного корпуса, которую не брал никакой казённый ремонт, а оживил пузырьёк спирта и чьи-то умелые руки. То ощущение, когда тебе двадцать шесть лет, впереди целое лето, и ты ещё не знаешь, что оно объяснит тебе всё, что случится со страной потом, — стоило только присмотреться.

Чемодан стоял открытым посреди комнаты.

Сергей его не замечал.

Россия не отпускает сразу. Она отпускает медленно, по частям, — и последнее, что уходит, это не люди и не места, а запахи и звуки, которые невозможно объяснить тому, кто здесь не жил. Запах подъезда старой пятиэтажки, где краска на стенах облупилась ещё в восьмидесятых, но никто не удивляется, потому что так было всегда. Звук ключей соседки за стеной в семь утра — каждый день, в одно и то же время, точнее любого будильника. Голос диктора по радио, который читает новости тем особенным казённым тоном, каким в этой стране читали новости всегда — при любой власти, в любую эпоху.

1980 год был особенным. Москва готовилась к Олимпийским играм. Город красили, мыли, украшали — как комнату перед приходом важного гостя, которому не нужно знать, что делается за закрытыми дверями. Из столицы на лето вывезли тысячи детей — в пионерские лагеря, к бабушкам, в санатории. Официально это называлось заботой о здоровье подрастаю-

щего поколения. Неофициально — Москва должна была выглядеть так, как её никогда раньше не видели.

Сергей тогда работал вожатым. Ему было двадцать шесть лет, он только окончил институт и ещё не знал, кем хочет стать. Лагерь назывался «Заря коммунизма» и стоял в сосновом лесу в шестидесяти километрах от Москвы. Четыреста семьдесят детей, пятнадцать отрядов, деревянные корпуса с разошедшимися полами, река в двух километрах от ворот. Каждое утро начиналось с горна и линейки. Каждый вечер заканчивался костром или кино на белой простыне, натянутой между двумя соснами.

Он записывал всё в тетрадь.

Не потому, что собирался когда-нибудь опубликовать это. Просто писал — как пишут люди, которые чувствуют, что живут в чём-то важном, но ещё не понимают в чём именно. Дети, которых он видел каждый день, были обычными советскими детьми: шумными, смешными, иногда жестокими, иногда неожиданно добрыми. Они играли в «Зарницу» и воровали яблоки из столовой. Они влюблялись на одну смену и забывали друг друга через неделю после отъезда. Они пели песни у костра — те самые, которые пела вся страна.

Та страна больше не существует.

Сергей знал об этом давно. Он видел, как она менялась — сначала медленно, потом всё быстрее, пока не стало ясно, что прежнего не вернуть. Девяностые прошли как долгая болезнь, после которой выжившие смотрели друг на друга с удивлением — и начинали жить заново, на руинах, с тем, что осталось. Кто-то разбогател. Кто-то потерял всё. Большинство просто продолжало жить — работать, растить детей, стоять в очередях, которые теперь назывались иначе, но суть которых не изменилась.

Он тоже продолжал. Собрал команду. Делал то, что умел делать только он. Три года доказывал, что это ещё кому-то нужно здесь. Три года слышал в ответ одно и то же.

И вот — Швейцария. Контракт на сорок страниц. Письмо, в котором написано, что его очень ждут.

За окном шёл московский июньский дождь — тёплый, почти летний, но с той особенной московской серостью, которая умеет проникать сквозь любую погоду. По подоконнику барабанили капли. Где-то внизу, во дворе, кричали дети.

Сергей сидел на полу и читал тетрадь.

Почерк двадцатилетнего себя был энергичным и немного небрежным — буквы торопились вперёд, как будто рука не успевала за мыслями. На первой странице было написано: *Первый день. Дети приехали в три часа дня. Среди них есть один мальчик, который всё время молчит. Надо за ним присмотреть.*

Сергей не помнил этого мальчика.

Он перевернул страницу.

Чемодан стоял посреди комнаты. Через три дня — самолёт. Билет был куплен. Контракт лежал неподписанным. Через три дня всё это могло остаться здесь: двор, подъезд, запах краски на стенах, голос соседки за стеной. Тетрадь в клеточку с выгоревшей обложкой.

Он ещё не решил, поедет ли. Он думал, что давно решил, — а оказалось, что нет. Ответ был не в контракте на сорок страниц. Ответ был где-то здесь, на этих выгоревших страницах, в том лете, с которого всё началось.

Он перевернул ещё одну страницу и продолжил читать.

ГЛАВА 1. ИНЖЕНЕР ПОЛУЧАЕТ ОТВЕТСТВЕННОЕ ЗАДАНИЕ

Дело было в конце семидесятых годов.

На столе зазвенел телефон. Сергей Лысков, двадцатипятилетний молодой человек, который недавно закончил радиотехнический институт и был распределён в Главное управление крупного министерства СССР, поднял трубку.

— Пелипенко. Товарищ Лысков, зайдите ко мне срочно, — сказал голос в трубке, и сразу зазвучали сигналы отбоя.

Сергей посмотрел на умолкшую трубку.

Несмотря на то, что он работал в отделе не так давно, грозный нрав начальника отдела Валерия Константиновича Пелипенко был ему уже хорошо известен. Но то, что Пелипенко позвонил ему лично, было полной неожиданностью. Сергей занимал в отделе небольшую должность инженера, и над ним было много начальников — от руководителя группы и выше, которые обычно сами ходили на доклад к начальнику отдела. Звонить рядовому инженеру напрямую не было принято у Валерия Константиновича.

Значит, случилось что-то серьёзное.

Сергей попытался вспомнить, что именно он мог натворить за последние две недели. Список получился небольшой, но тревожный.

Он положил трубку и пошёл к лестнице.

В отделе работало больше ста человек. И почти все они в последние месяцы думали об одном.

Московская Олимпиада, до которой оставалось меньше года, была первой на территории социалистической страны, и весь отдел, весь главк, всё министерство гудело по этому поводу так, как гудит трансформатор под нагрузкой. Участвовать в техническом обеспечении Олимпиады считалось делом исключительно престижным. За успешную работу давали премии, почётные грамоты, а иногда и кое-что повыше — продвижение по службе, например, или заветную запись в личном деле, которая потом открывала двери туда, куда обычными путями не попасть.

(Для справки: для советского служащего участие в техническом обеспечении Олимпиады было примерно тем же, чем для западного карьериста участие в крупном международном проекте — с той разницей, что западный карьерист мог об этом говорить вслух, а советский служащий должен был выражать прежде всего политическую сознательность. Но премии и грамоты все считали одинаково.)

На Олимпиаде планировалось использовать вычислительную технику в небывалых масштабах. Требовались специалисты, которые умели с ней работать. Таких специалистов в стране было мало, а в отделе Сергея — особенно мало. Поэтому каждый, кто имел отношение к ЭВМ, ходил с видом человека, которого вот-вот должны позвать на важное дело.

Сергей умел работать с техникой хорошо. Это знали все. Два раза за последние полгода он в одиночку восстанавливал «Электронику-60», которая отказывала в самый ответственный момент, когда отчёты нужно было сдавать срочно. Оба раза без него работа встала бы намертво — больше никто в отделе не умел обслуживать эту машину так, как умел Сергей.

Поэтому, спускаясь с девятого этажа на третий, он думал вот о чём.

Либо его вызывают по поводу Олимпиады — и тогда это хорошо.

Либо по какому-то другому поводу — и тогда лучше не гадать.

На третьем этаже его встретила секретарша Настя.

Настя была молодой наблюдательной девушкой, которая умела встречать посетителей с совершенно разными выражениями лица в зависимости от того, что их ждало внутри. Сергей за несколько месяцев работы в отделе научился читать эти выражения примерно так же, как читают показания приборов: нейтральное лицо — всё в порядке; сочувственное — неприятности средней тяжести; подчёркнуто деловое — большие неприятности.

Настя улыбнулась ему особенной улыбкой.

Сергей при всём своём техническом образовании расшифровать эту улыбку не мог. Радиотехнический институт не давал инструментов для работы с такими сигналами. Здесь зиял существенный пробел в советском инженерном образовании.

— Что случилось? — спросил он.

— Там тебе всё объяснят, — сказала Настя.

Эта реплика насторожила его ещё больше. Он тихо постучал в дверь кабинета и, услышав строгое «Входите», вошёл внутрь.

Валерий Константинович Пелипенко, сухошавый мужчина пятидесяти двух лет с крупными залысинами, сидел за письменным столом, покрытым зелёным сукном. На столе стояли три телефона разных цветов, лежали аккуратные стопки бумаг и одиноко возвышался стакан с карандашами — идеально очиненными и все одной длины.

Пелипенко закончил исторический институт. К технике он относился с большой остороженностью как к явлению важному, но непредсказуемому. Зато все утверждённые нормы использования материалов для обслуживания вычислительной техники он выполнял скрупулёзно — именно потому, что в самой технике не разбирался и доверял только тому, что написано в документах.

— Присаживайтесь, товарищ Лысков, — он указал рукой на стул рядом с Т-образным столом.

Сергей сел.

— Из парткома пришла разнарядка, — сразу приступил к делу Пелипенко, — на сотрудника нашего отдела, который должен быть направлен в ведомственный пионерский лагерь на время летних каникул.

Сергей почувствовал, как что-то внутри него слегка осело.

Пионерский лагерь. Не Олимпиада.

Он постарался, чтобы это никак не отразилось на лице.

— Дело это серьёзное, — продолжал Валерий Константинович, — и я выбрал вас по следующим причинам. Вы холостой — жена не будет возражать против того, что уедете в командировку на три месяца. Другие сотрудники отдела разъезжаются в это время на важные объекты. — Он сделал небольшую паузу, и в этой паузе Сергей расслышал то, что осталось невысказанным: опытные сотрудники нужны на Олимпиаде, и отдавать их в пионерский лагерь никто не будет. — У вас же пока недостаточно опыта для таких командировок, а опытных сотрудников позарез не хватает. В пионерлагере наше управление, как всегда, отвечает за техническое сопровождение. Вы, как инженер, будете выполнять функции киномеханика и радиста. Ещё в парткоме сказали, что в лагере есть проблемы с местной телефонной станцией — её надо отремонтировать. Более подробно вас проинструктирует Кулик Иван Петрович, начальник пионерского лагеря. Общий сбор всех, кто будет работать в лагере, послезавтра. Вот телефон товарища, ответственного за организацию подготовки к заезду. Он всё объяснит подробнее. А это — направление на прохождение медицинской комиссии. Инструменты и материалы возьмёте на складе. Я подпишу заявку. Вопросы есть?

Голос у Валерия Константиновича был такой, что вопросов быть не должно.

Но они были.

Первый — тот, который вертелся на языке с самого начала разговора.

— Валерий Константинович, — осторожно начал Сергей, — а как же Олимпиада? Я думал...

Пелипенко не дал ему договорить.

— Все думают про Олимпиаду, — сказал он, и в голосе его появилась интонация человека, которому порядком надоел этот разговор, явно не первый за день. — Сто двадцать человек в отделе думают про Олимпиаду. Двадцать из них туда поедут. Остальные сто будут работать здесь. Или в пионерском лагере. Это тоже важное задание парткома. Ещё вопросы?

(Сергей потом долго вспоминал этот момент. Сто двадцать человек в отделе. Двадцать поедут на Олимпиаду. Он попал в оставшиеся сто. Арифметика была жестокой, но честной.)

Сергей помолчал секунду.

— Да, — сказал он. — Я никогда не ремонтировал автоматические телефонные станции и не работал киномехаником.

— Но вы служили в войсках связи и закончили радиотехнический институт! — возразил Пелипенко. — Чему вас там обучали? Разберётесь на месте!

(Именно эта фраза — «разберётесь на месте» — была главным двигателем советской технической мысли. Именно благодаря ей запускались ракеты, строились заводы и чинились АТС пятидесятих годов выпуска. Правда, иногда ракеты не запускались. Но это уже другая история.)

Сергей понял, что дальнейшие возражения бесполезны.

Он откинулся чуть назад на стуле и на секунду — только на секунду — позволил себе подумать о том, что такое на самом деле пионерский лагерь в сравнении с олимпийским объектом.

Олимпийский объект — это огромный машинный зал, где вдоль стен выстроены стойки ЕС ЭВМ — больших советских машин серии ЕС-1045 и ЕС-1055, каждая размером со шкаф, а то и с несколько шкафов. Рядом — мини-ЭВМ СМ-4, терминалы «Электроники-60», периферия. Гудят вентиляторы охлаждения, пахнет перегретыми платами и кондиционированным воздухом, начальство над головой на каждом шагу, отчёты каждые два часа. Работа значимая, престижная — но, если говорить о её существовании, монотонная. Сиди у машины, смотри на индикаторы, жди, пока что-нибудь сломается, чини, докладывай.

Пионерский лагерь — это лес. Речка. Три месяца.

(Для справки: пионерский лагерь «Заря коммунизма» располагался в Подмоскovie, в сосновом лесу, на берегу небольшой реки. Расстояние от Москвы — около шестидесяти километров. По советским меркам конца семидесятых годов это было вполне приличное место. Несравнимо лучше олимпийского машинного зала с кондиционером, который дуёт прямо в спину.)

Сергей решил, что в конечном счёте всё не так плохо.

Тогда он задал второй вопрос — тот, который в действительности интересовал его больше первого.

— А как насчёт спирта?

Из опыта отца, который часто бывал в командировках на различных предприятиях электронной промышленности СССР, Сергей знал твёрдо: без спирта никакой вопрос нельзя решить. Чистый спирт, предназначенный для протирки электрических контактов микро-ЭВМ и разбавленный водой по весу, при правильном разбавлении давал почти пять пол-литровых бутылок хорошей водки из одного литра — превосходя по качеству самую известную в мире водку «Столичная» в её экспортном варианте.

(Для справки: водка «Столичная» в экспортном исполнении отличалась от обычной «Столичной» более красивой этикеткой. Внутри было то же самое. Но красивая этикетка стоила значительно дороже. Советский человек понимал эту разницу и ценил её. Что касается ссылок на Менделеева, которые в подобных разговорах звучали непременно, — сам Менделеев никакой методики разбавления спирта не разрабатывал. Но кто стал бы это проверять?)

Вопрос о спирте явно озадачил начальника. Пелипенко смотрел на молодого инженера с тем выражением, с каким смотрят на незнакомый прибор, у которого непонятно какая функция. Тогда он, поправив карандаш в стакане, поднял глаза на Сергея.

— Сколько, по-вашему, нужно?

— По нормам расхода на обслуживание вычислительной техники мне в отделе полагается три литра в месяц, — пояснил Сергей спокойно. — Я обслуживаю две микро-ЭВМ «Электроника-60», три фотосчитывателя, четыре перфоратора, пишущую машинку «Консул» с параллельным интерфейсом и два алфавитно-цифровых печатающих устройства. А в лагере надо обслуживать целую автоматическую телефонную станцию и ещё множество электронной техники. Нормы должны быть другие. Не менее семи литров в месяц.

Пелипенко пронизывающим взглядом посмотрел на молодого инженера, пытаясь определить, врёт тот или нет.

Сергей не моргнул.

(Семь литров было враньём. Реальная потребность при разумном использовании составляла от силы три-четыре литра. Но Сергей уже в двадцать пять лет понял важный принцип советского административного торга: называй больше, чем нужно, потому что дадут меньше, чем назовёшь, и только совпадение этих двух величин даёт искомый результат. Этому тоже не учили в радиотехническом институте. Это приходило с опытом.)

Видимо, спокойное лицо Сергея внушало доверие. Пелипенко взял один из трёх телефонов — тот, что стоял на маленьком приставном столике слева, — и снял трубку прямой связи с начальником управления Михаилом Алексеевичем Сорокиным.

— Извините за беспокойство, Михаил Алексеевич. Надо решить срочный вопрос и доложить в партком.

Сергей отметил про себя: упоминание парткома заставило начальника управления отложить важные дела. Этот механизм работал в советских учреждениях безотказно.

Валерий Константинович кратко рассказал о спирте для пионерского лагеря. Через минуту повесил трубку.

— Утвердили пять литров в месяц. Но потребовали подробный отчёт об использовании. Зайдёшь к моему заму Волкову, он подпишет у начальника управления заявку.

Сергей поднялся со стула.

— И последнее, — строго сказал Валерий Константинович, и голос у него стал таким, каким говорят о вещах действительно важных. — В пионерский лагерь тебя направляет наш партком. Там будут работать вожатыми студентки из педагогического института. Девушки молодые, неопытные и, главное, доверчивые. Смотри, не натвори чего-нибудь с ними. Я лично буду звонить начальнику пионерского лагеря и узнавать о твоём поведении. Всё понятно?

— Конечно, — сказал Сергей.

(Валерий Константинович произнёс эту фразу с интонацией человека, который глубоко понимает опасность. Он закончил исторический институт. Историческое образование давало широкий взгляд на природу человеческих слабостей. Сергей с уважением посмотрел на начальника и пообещал держаться.)

Он вышел из кабинета.

В приёмной Настя посмотрела на него с той же особенной улыбкой.

— Ну как? — спросила она.

— Еду в пионерский лагерь, — сказал Сергей.

— Надолго?

— На три месяца.

Настя улыбнулась чуть шире. Сергей снова не смог расшифровать эту улыбку и пошёл к лестнице.

По дороге на девятый этаж он встретил Коломийца из соседней группы. Тот шёл навстречу, держа папку под мышкой, с видом человека, которому предстоит что-то приятное.

— Слышал? — сказал Коломиец вполголоса, хотя в коридоре никого не было. — Нас четверых берут на Олимпиаду. ЭВМ в главном пресс-центре. Три месяца, понимаешь? Там такое будет...

— Поздравляю, — сказал Сергей.

— А ты куда?

— В пионерский лагерь.

Коломиец посмотрел на него с тем выражением, с каким смотрят на человека, которому немного не повезло, но не настолько, чтобы расстраиваться.

— Ну, тоже неплохо, — сказал он. — Там лес, говорят. Речка.

— Да, — согласился Сергей. — Лес. Речка.

Коломиец пошёл дальше. Сергей поднялся к себе на девятый этаж, сел за стол и посмотрел на осциллограф, тихо стоявший в углу комнаты. Он поймал себя на том, что лес и речка выглядят не такой уж плохой перспективой.

За окном была Москва.

Впереди было лето, лес и речка.

И пять литров спирта в месяц.

ГЛАВА 2. ТЕХНИЧЕСКИЕ НОРМЫ РАСХОДА СПИРТА КАК ПРЕДМЕТ АДМИНИСТРАТИВНОГО ТОРГА

Заявку на спирт подписывали три дня.

Не потому, что кто-то возражал. Возражений не было ни у кого. Просто в советском учреждении начала восьмидесятых годов любой документ, прежде чем попасть на нужный стол, должен был побывать на нескольких ненужных. Таков был порядок, и порядок этот соблюдался неукоснительно.

(Для справки: система согласований в советском учреждении работала по принципу последовательного одобрения. Каждый руководитель подписывал только то, что уже подписал руководитель выше, но при этом требовал подтверждения от ещё более высокого руководителя. Теоретически эта цепочка могла продолжаться бесконечно. На практике она обрывалась тогда, когда кто-нибудь упоминал партком. Партком был универсальным ускорителем советского делопроизводства.)

Сначала Сергей пошёл к заместителю Пелипенко — Волкову Геннадию Ивановичу.

Волков был человеком обстоятельным, с крупной лысиной и привычкой читать любой документ дважды: первый раз быстро, второй раз медленно, делая пометки карандашом на полях. Карандаш у него был всегда один и тот же — короткий, почти стёртый, который он, судя по всему, берёт как личную реликвию. В советском учреждении такой карандаш означал человека серьёзного.

Волков прочитал заявку быстро. Потом медленно. Потом поднял глаза на Сергея.

— Пять литров в месяц, — сказал он.

— Да.

— На три месяца.

— Да.

— Итого пятнадцать литров.

— Да.

Волков посмотрел на заявку ещё раз, как будто цифры могли измениться за время разговора.

— Много, — сказал он.

— АТС пятидесятых годов выпуска, — сказал Сергей. — Контакты окислены. Реле залипают. Без профилактики не запустить.

(Это была чистая правда. Реле действительно залипали. Контакты действительно были окислены. Сергей первоначально запросил семь литров — Волков снизил до пяти. Механизм административного торгового сработал в штатном режиме.)

Волков взял короткий карандаш и поставил на заявке свою пометку. Потом достал другую ручку — чернильную, для подписей — и расписался.

— К Сорокину сам пойдёшь, — сказал он. — Я ему позвоню.

К Сорокину Сергей попал на следующее утро.

Михаил Алексеевич Сорокин, начальник управления, был человеком занятым, и это всячески демонстрировал. Когда Сергей вошёл в кабинет, Сорокин говорил сразу по двум телефонам — держал одну трубку у уха, другую — наготове в руке, периодически меняя их местами. На столе перед ним лежала стопка папок высотой сантиметров двадцать, и он время от времени брал верхнюю, открывал её, смотрел внутрь и клал обратно. Смотрел он при этом не в папку, а куда-то мимо неё — с видом человека, которому содержимое папки известно заранее и не представляет интереса.

Сергей сел на стул у стены и стал ждать.

Ждать пришлось двадцать минут.

Потом Сорокин положил обе трубки одновременно, посмотрел на Сергея так, как смотрят на предмет, который непонятно откуда взялся на столе, и сказал:

— Волков звонил. Спирт.

— Да, — сказал Сергей.

— Пять литров в месяц.

— Да.

— Пелипенко согласовал?

— Да.

— Волков подписал?

— Да.

Сорокин взял заявку. Прочитал. Отложил. Взял снова.

— Это для пионерского лагеря?

— Да. Для обслуживания АТС и электронной техники.

— АТС пятидесятих годов?

— Да.

Сорокин посмотрел на Сергея с тем выражением, с каким смотрят на человека, который пришёл с простым вопросом, но почему-то занимает время.

— Хорошо. Пусть Волков оформит. С подробным отчётом об использовании.

Он расписался и вернул заявку Сергею.

— Всё?

— Всё, — сказал Сергей.

— Тогда идите.

(Весь разговор занял четыре минуты. Из них три минуты Сорокин смотрел на заявку. Одну минуту разговаривал. Советский начальник управления тратил своё время строго по регламенту.)

На третий день заявку подписал сам Пелипенко.

Это было последней подписью. Валерий Константинович поставил её аккуратно, в правом нижнем углу документа, рядом с датой, которую он предварительно уточнил у секретарши Насти, хотя дата была напечатана прямо на заявке.

Сергей забрал бумагу и пошёл на склад.

Склад находился в подвале.

Кладовщик Фёдор Никитич, пожилой мужчина с аккуратными усами и привычкой смотреть поверх очков, принял заявку, долго изучал подписи, потом положил бумагу на стол и поднял глаза на Сергея.

— Спирт, — сказал он.

— Да.

— Пять литров.

— Да.

— Для пионерского лагеря?

— Да.

Фёдор Никитич посмотрел на Сергея поверх очков. Потом снова на заявку.

— Пять литров спирта в пионерский лагерь, — повторил он задумчиво, как будто проверял звучание этой фразы на слух.

— Для обслуживания АТС и электронной техники, — уточнил Сергей.

— Понятно, — сказал Фёдор Никитич тоном человека, которому всё понятно, но который считает нужным это особо отметить. — Подождите.

Он ушёл в глубину склада. Вернулся через несколько минут с пятилитровым бидоном из нержавеющей стали, поставил его на прилавок и достал бланк расходной накладной.

— Распишитесь в трёх местах.

Сергей расписался в трёх местах.

Фёдор Никитич принял бланк, проверил подписи, вложил копию в папку и закрыл папку на резинку.

— Следующее получение — первое число следующего месяца. Не раньше.

— Понял.

— И отчёт об использовании — до десятого числа следующего месяца. Форма утверждённая, у Волкова возьмёте.

— Понял.

Фёдор Никитич посмотрел на бидон. Потом на Сергея.

— Лагерь далеко?

— Шестьдесят километров от Москвы.

— На чём поедете?

— На «Москвиче».

Фёдор Никитич кивнул с видом человека, который провёл необходимый технический анализ и пришёл к выводу, что всё в порядке.

— Бидон верните, как в следующий раз приедете. Казённое имущество.

— Верну.

Сергей взял бидон. Бидон был тяжёлый и пах так, как должен пахнуть чистый спирт высшей очистки — резко, чисто, честно.

(Для справки: пять литров чистого спирта в советской экономике начала восьмидесятых годов при правильном разбавлении давали почти двадцать пять литров водки качества выше «Столичной» экспортной. Двадцать пять литров такой водки были эквивалентны примерно двум месячным зарплатам старшего инженера, или одному решению вопроса повышенной сложности в любом учреждении страны, или четырём решениям вопроса средней сложности, или двенадцати решениям мелких бытовых затруднений. Сергей получил пять литров в месяц на три месяца. Итого пятнадцать литров. Итого семьдесят пять литров водки в пересчёте. Он был богатым человеком. В пионерском лагере «Заря коммунизма» его ждали. Ещё не зная об этом.)

Из подвала Сергей поднялся на девятый этаж.

В коридоре он встретил Коломийца из соседней группы. Тот шёл навстречу с папкой под мышкой и с видом человека, которому предстоит что-то приятное.

— Слышал? — сказал Коломиец вполголоса, хотя в коридоре никого не было. — Нас четверых берут на Олимпиаду. ЭВМ в главном пресс-центре. Там такое будет...

— Поздравляю, — сказал Сергей.

— А ты куда?

— В пионерский лагерь.

Коломиец посмотрел на него с тем выражением, с каким смотрят на человека, которому немного не повезло, но не настолько, чтобы сочувствовать всерьёз.

— Ну, тоже неплохо, — сказал он. — Там лес, говорят. Речка.

— Да, — согласился Сергей. — Лес. Речка.

Коломиец пошёл дальше.

Сергей поставил бидон на стол. Посмотрел на него. Потом на окно, за которым была Москва — жаркая, пыльная, переполненная людьми, спешащими по делам государственной важности.

Он подумал вот о чём.

На Олимпиаде стоят ЕС ЭВМ. Большие машины в кондиционированных залах. Начальство. Отчёты каждые два часа. Работа важная. Монотонная. Ответственная до потери смысла.

В пионерском лагере — лес. Речка. АТС пятидесятих годов выпуска, которую никто не чинил со времён её установки. Два сломанных киноаппарата. Усилители, которые не работают. Громкоговорители, которые висят на деревьях и ждут своего часа.

И пять литров спирта в месяц.

Сергей поймал себя на том, что всё это выглядит не такой уж плохой перспективой.

(Автор этих строк признаётся, что тоже в своё время получал спирт по нормам, предназначенным для совершенно других целей. Это не делало его плохим человеком. Это делало его советским человеком. Разница была небольшой, но принципиальной. Советский человек делал что нужно доступными средствами. Доступными средствами был спирт. Система понимала это и выделяла спирт. Так всё и работало.)

На следующий день Сергей зашёл к Волкову за утверждённой формой отчёта об использовании спирта.

Форма состояла из трёх страниц. Первая страница — данные получателя, основание для выдачи, подписи. Вторая страница — таблица расходования по датам с указанием наименования работ и количества использованного спирта в миллилитрах. Третья страница — остаток на конец месяца, сверка с накладной, подпись ответственного лица и печать.

Сергей посмотрел на форму.

Форма была разработана для учёта расхода спирта при обслуживании вычислительной техники в лабораторных условиях. В графе «Наименование работ» предполагалось писать что-то вроде «протирка контактов разъёма ОНЦ-БС-1» или «профилактическая обработка направляющих валиков фотосчитывателя ЕС-6012». В этих графах нельзя было написать «угощение киномеханика районного кинопроката» или «переговоры с начальником телефонного узла о замене реле АТС».

Сергей взял чистый лист бумаги и начал думать.

(Умение заполнять советские отчётные формы таким образом, чтобы написанное соответствовало действительности, не противоречило инструкциям и при этом не давало лишней информации проверяющим, — это было отдельное искусство. В технических институтах этому не учили. Но все умели. Это тоже приходило с опытом.)

Через неделю Сергей сидел на переднем сиденье «Москвича-412», принадлежавшего Михаилу. Бидон со спиртом стоял в багажнике, завернутый в старое одеяло.

Михаил вёл машину молча. За окном мелькали подмосковные сосны.

— Ты когда-нибудь чинил АТС? — спросил Сергей.

— Нет, — сказал Михаил.

— Я тоже.

Помолчали.

— Думаю, разберёмся, — сказал Михаил.

— Думаю, да, — согласился Сергей.

За окном продолжались сосны.

Впереди было лето.

ГЛАВА 3. НАПУТСТВИЕ

На общем собрании присутствовал весь обслуживающий персонал лагеря и пионервожатые. Иван Петрович Кулик прочитал целую лекцию о важности воспитания пионеров в духе преданности идеям Коммунистической партии СССР. Ответственной задачей для всех присутствующих Иван Петрович назвал воспитание соответствующих качеств у пионеров, которые будут отдыхать в ведомственном пионерском лагере министерства «Заря коммунизма».

Собрание продолжалось четыре часа.

Выступавшие говорили о нерешённых в прошлом году проблемах и о том, что их надо обязательно решить в этом году. Иван Петрович заверил присутствующих, что он прилагает огромные усилия, чтобы ликвидировать недостатки в работе. И вот теперь, благодаря личной помощи Павла Петровича Логунова, секретаря парткома министерства, в лагерь направлен специалист из технического управления. Он восстановит работу местной АТС, и в каждом помещении будет работать телефон.

С этими словами Иван Петрович указал на Сергея Лыскова, который встал, смущаясь оттого, что его называли опытным специалистом по АТС. Оказывается, теперь он должен оправдать доверие самого первого секретаря парткома министерства.

Для справки: в советской системе управления слово «опытнейший», произнесённое публично начальником в адрес подчинённого, означало не столько реальный опыт, сколько возложение ответственности. Разница между «опытнейшим специалистом» и «ответственным за последствия» в советском учреждении была чисто терминологической. По существу, это было одно и то же.

Сергей сел. Собрание продолжалось.

Следующим выступал председатель профкома — невысокий полный мужчина с блестящей лысиной и голосом, натренированным на многолетних собраниях. Он говорил о дисциплине труда и социалистическом соревновании между отрядами. О важности идейно-воспитательной работы. О необходимости достойно встретить очередную годовщину Октябрьской революции, до которой оставалось ещё четыре месяца. Слушали его без особого внимания — привычно, как слушают звук работающего радио в соседней комнате, когда нужно сосредоточиться на другом.

После председателя профкома выступила старшая пионервожатая.

Сергей увидел её впервые.

Маруся Щеглова, двадцати пяти лет, высокая, костлявая, с тонким пучком рыжих волос на затылке, вышла к трибуне с видом человека, которому поручено важное государственное дело и который намерен это дело выполнить. Она говорила о нравственном воспитании пионеров, о недопустимости безыдейного времяпрепровождения, о роли личного примера вожатого в формировании советского характера. Голос у неё был резкий и настойчивый — такой голос хорошо слышен на линейке при встречном ветре.

Сергей слушал её и думал о том, что три месяца в одном учреждении с таким человеком — это серьёзное испытание.

Маруся с отличием закончила педагогический институт и уже второй раз работала старшей пионервожатой в этом лагере. Главным в жизни для неё было духовное развитие человека. В пример она всегда приводила Н. К. Крупскую, жену и соратницу В. И. Ленина. Это был последовательный, принципиальный и совершенно добровольный выбор. Никто её не заставлял.

После Маруси выступил представитель комитета ВЛКСМ министерства. Он говорил о том, что комсомол внимательно следит за воспитательной работой в лагере и что все случаи

нарушения дисциплины будут рассматриваться в установленном порядке. При слове «установленном» он сделал паузу и обвёл зал взглядом, который должен был означать серьёзность сказанного.

Потом собрание закончилось.

Люди начали расходиться. Переговаривались вполголоса, закуривали на крыльце, знакомились друг с другом.

Сергей вышел на крыльцо. Там стояли двое, которых он ещё не знал, но которым предстояло стать его помощниками.

Первый — Михаил, двадцати семи лет, высокий тихий парень с добродушным и задумчивым лицом. Он закончил МГИМО и очень хорошо владел тремя иностранными языками, но в технике абсолютно ничего не понимал. Стоял в стороне, смотрел куда-то поверх голов, и вид у него был человека, которого привезли сюда по недоразумению и который ещё не решил, как к этому относиться.

Второй — Ваня, семнадцати лет, только что окончивший школу. Сын начальника управления, направленный в лагерь по просьбе отца. Начальник вместе с женой собирался отдыхать в Крыму и опасался оставить Ваню одного без присмотра в четырёхкомнатной московской квартире. Вдруг загуляет? А парню надо было готовиться к поступлению в МГИМО. Ваня смотрел на всё с искренним любопытством человека, которому семнадцать лет и которому пока всё интересно.

— Ты Лысков? — спросил Михаил.

— Да.

— Михаил. Буду твоим помощником.

— Хорошо. В технике разбираешься?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

Сергей посмотрел на него. Михаил посмотрел на Сергея. Оба помолчали.

— Разберёмся, — сказал Сергей.

— Думаю, да, — согласился Михаил.

Ваня наблюдал за этим разговором с видом человека, которому нравится, как всё устроено.

— А я Ваня, — сообщил он.

— Знаю, — сказал Сергей.

— Я тоже в технике не разбираюсь.

— Понял.

Сергей посмотрел на обоих. Потом на небо. Потом снова на обоих.

— Пойдёмте смотреть хозяйство, — сказал он.

Таким был кадровый состав технической группы пионерского лагеря «Заря коммунизма» в начале июня 1980 года. Один инженер с опытом обслуживания вычислительной техники, но без опыта ремонта АТС и работы киномехаником. Один специалист по трём иностранным языкам, совершенно не разбирающийся в технике. Один семнадцатилетний юноша, поступающий в МГИМО. В советской системе это называлось «направить опытных специалистов». Система работала именно так.

На следующее утро Сергей впервые осмотрел своё электронное хозяйство.

Удивлению его не было предела.

Создавалось впечатление, что этими приборами никто никогда не пользовался — или, точнее, что ими пользовались все и никто при этом за ними не следил. Киноаппараты нещадно жевали рулоны плёнки, потому что у направляющих валиков были сломаны несколько зубцов. Ржавые реле древней АТС даже не пытались переключаться, когда к ним подводили напря-

жение. Электрических схем разводки и подключения нигде не было. Усилители не работали. Совершенно непонятно было, как вообще обеспечивать громкоговорящую связь и музыку на всей территории лагеря.

Обслуживающий персонал пионерского лагеря прибывал за неделю до заезда пионеров. Недели не было. Была половина недели.

Сергей стоял посреди кинобудки, смотрел на два мёртвых кинопроектора и мысленно составлял список того, что нужно сделать. Список получался длинным. Потом он мысленно составил список того, что у него есть для решения этих проблем.

Список был короткий.

Пять литров спирта. Два помощника, не разбирающихся в технике. Половина недели времени.

Потом он вспомнил, что у него есть гарантированная возможность получить ещё десять литров в последующие два месяца. И что из одного литра такого спирта при правильном разбавлении по методике Менделеева получалось три пол-литровые бутылки водки качества выше «Столичной» экспортной.

Он прикинул.

Пятнадцать литров. Сорок пять бутылок.

Сергей посмотрел на ржавые реле АТС, на мёртвые кинопроекторы, на громкоговорители с оборванными проводами, и подумал, что, в общем-то, всё решается.

Оптимизм советского инженера в полевых условиях объяснялся не наивностью и не избытком уверенности в себе. Он объяснялся опытом. Советский инженер знал, что любая техническая проблема в конечном счёте решается. Вопрос состоял только в том, чем именно она решается. В данном случае ответ был очевиден. Ответ стоял в подсобке, завёрнутый в старое одеяло, и пах так, как пахнет чистый спирт высшей очистки — резко, чисто и очень обнадёживающе.

ГЛАВА 4. «Лагерь «Заря коммунизма» встречает специалиста»

Автобус из Москвы шёл три часа. Последние двадцать минут — по просёлку, который дорогой назывался только из вежливости. Сергей сидел у окна, держал чемодан на коленях и смотрел, как за стеклом сосновый лес постепенно придвигается ближе, пока не встал вплотную с обеих сторон — тёмный, пахнущий смолой и сыростью.

Пять бутылок спирта лежали в чемодане под сменным бельём, каждая в газетной обёртке. Первая партия — ровно пять литров, как утвердил Сорокин и подписал Пелипенко. Склад выдал без вопросов. Разберётесь на месте — сказал Пелипенко про телефонную станцию. Про спирт этого не говорил никто. Со спиртом всё было понятно и без объяснений.

Автобус остановился у поворота с указателем: «Лагерь «Заря коммунизма» — 1,5 км».

— Дальше не еду, — сказал водитель. — Там мост.

— Что с мостом?

— Ничего. Мост есть. Я туда не еду.

Сергей взял чемодан и пошёл по дорожке, посыпанной щебнем. Через мост — деревянный, прогибавшийся под ногами с мягким скрипом, — по узкой аллее между соснами. Пахло лесом и дымом. Между деревьями мелькали тёмно-зелёные деревянные корпуса.

У ворот стоял охранник с журналом.

— Лысков, — сказал Сергей. — Инженер. Из министерства.

Охранник нашёл фамилию в списке, поставил галочку и открыл ворота.

Лагерь готовился к открытию.

До первого заезда оставалась неделя. Корпуса стояли закрытые, клумбы перед ними были подготовлены, но ещё не засажены. Над центральной аллеей висели лозунги: «ПИОНЕР — ВСЕМ РЕБЯТАМ ПРИМЕР», «УЧИСЬ, ТРУДИСЬ, БОРИСЬ» и у столовой — «СПАСИБО ПАРТИИ РОДНОЙ ЗА НАШ СЧАСТЛИВЫЙ ВЫХОДНОЙ».

Сергей задержался перед последним. Что-то в нём было не так — не идеологически, нет, — а синтаксически, каким-то неуловимым образом. Он решил разобраться с этим позже.

Тёмно-зелёные корпуса выстроились по обе стороны аллеи. На двух ближних белели названия: «Дружба» и «Смена». Краска была свежей, дерево крепким. Лагерь выглядел как место, за которым следили с советской основательностью: не слишком хорошо, но и не запущенно.

В административном корпусе горел свет.

Нина Андреевна оказалась женщиной лет сорока пяти. Перед ней лежали бумаги в нескольких стопках, стояла пепельница с одним окурком. Она посмотрела на Сергея без удивления — взглядом человека, которого давно ничем не удивишь.

— Лысков?

— Да.

— Из министерства?

— Да.

— Хорошо. — Она уже тянулась к папке. — Жильё — домик для технического персонала, второй за баней. Завтрак в семь тридцать. Кулик Иван Петрович, начальник лагеря, будет к девяти утра.

Она написала что-то на бумажке и протянула ему.

— Спирт привезли? — спросила Нина Андреевна.

Именно так — без предисловий, сразу после адреса домика. Как будто это был стандартный пункт при регистрации: фамилия, должность, спирт.

Сергей открыл чемодан и поставил на стол пять бутылок.

Нина Андреевна посмотрела на них. Потом на Сергея.

— Пять, — сказала она.

— Первая партия. Остаток по заявке в конце месяца.

— По заявке, — повторила она задумчиво. В этом слове было что-то, требовавшее отдельного осмысления. — Хорошо. Идите отдыхать, Лысков. Завтра начнёте смотреть хозяйство.

Сергей взял бумажку и вышел.

На улице пахло соснами и рекой. Было тихо. За корпусами садилось солнце — красное, крупное, летнее. Он постоял минуту, слушая тишину.

Шестьдесят километров от Москвы. Три месяца. Лес. Речка.

Пелипенко говорил об этом как об административной ссылке. Сергей с ним не соглашался — молча, из вежливости.

Утром его разбудил горн.

Горнист репетировал — с запинками и паузами. Три такта «Подъёма», остановка, снова два такта, тишина. Инструмент и человек только познакомились друг с другом и ещё не договорились об условиях.

Сергей встал, умылся во дворе и вышел.

У столовой стоял человек — невысокий, плотный, в белой рубашке с закатанными рукавами. Он смотрел на аллею с видом полководца перед сражением, в исходе которого уже нет уверенности, но отступить некуда.

Увидев Сергея, шагнул навстречу и протянул руку.

— Кулик. Иван Петрович. Начальник лагеря.

— Лысков. Инженер. Министерство.

— Знаю. Нина Андреевна доложила. — Короткий оценивающий взгляд. — Молодой.

— Двадцать пять.

— Ничего. Работы хватит. — Кивок в сторону столовой. — Сначала завтракайте. Потом посмотрим хозяйство. Есть на что посмотреть.

— В хорошем смысле?

Иван Петрович помолчал ровно на секунду дольше, чем требуется для утвердительного ответа.

— В разном, — сказал он. — Завтракайте, Лысков.

ГЛАВА 5. «Первый осмотр хозяйства показывает полную картину»

Михаил появился в лагере на следующее утро после Сергея.

Приехал на своём «Москвиче-412» — тёмно-синем, с вмятиной на левом крыле, которую хозяин явно не считал проблемой. Вышел из машины, огляделся, увидел Сергея у домика и махнул рукой с видом человека, который прибыл туда, куда его не очень звали, но он всё равно приехал.

— Михаил, — сказал он, протянув руку. — Из второго управления.

— Лысков. Из технического.

— Знаю. Нина Андреевна сказала.

Они постояли немного, глядя на аллею, по которой дворник Василий Фёдорович гонял метлой прошлогодние шишки — методично, без спешки, как человек, давно примирившийся со своим местом в жизни и мировым порядком.

— Ты по какой части? — спросил Сергей.

— По никакой, — спокойно ответил Михаил. — МГИМО. Три языка. К технике отношения не имею от слова совсем.

— Тогда зачем тебя сюда прислали?

Михаил чуть помолчал.

— Начальник отдела сказал, что так надо. Я не стал уточнять.

Сергей кивнул. В министерстве это был исчерпывающий ответ на любой вопрос.

— Ладно, — сказал он. — Пошли посмотреть хозяйство.

Ваня приехал к обеду.

Его привёз отец на чёрной «Волге» — лично, что уже само по себе было примечательно. Семнадцатилетний парень с круглым добродушным лицом и школьным портфелем, набитым, судя по звукам, книгами, стоял у ворот и смотрел на лагерь с выражением человека, которого привезли на экскурсию в место, которое он не выбирал.

Сорокин Михаил Алексеевич вышел из машины, оправил пиджак и подозвал Сергея.

— Лысков.

— Михаил Алексеевич.

— Это Иван. Мой сын. — Пауза. — Будет у тебя помощником. Смышлёный парень, руки откуда надо. Осенью поступает в МГИМО. Присматривай за ним.

— Понял.

— Ничего лишнего, — добавил Сорокин, глядя не на Сергея, а куда-то за его плечо, на тёмно-зелёные корпуса. — Ты понимаешь, о чём я.

— Понимаю.

Сорокин кивнул, пожал руку сыну — коротко, как на деловой встрече — сел в машину и уехал.

Ваня проводил «Волгу» взглядом и сказал:

— Значит, я теперь здесь.

— Значит, здесь, — согласился Сергей. — Портфель зачем?

— Учебники. Готовиться буду.

— К чему?

— К МГИМО.

Сергей посмотрел на него, потом на портфель, потом снова на него.

— Пошли, — сказал он. — Там посмотришь, к чему ещё придётся готовиться.

Электронное хозяйство пионерского лагеря «Заря коммунизма» располагалось в трёх местах.

Первое — маленький дом на краю танцплощадки: магнитофоны, проигрыватели, усилители, колонки. Всё это обеспечивало музыкальное сопровождение вечерних танцев.

Второе — кинобудка в клубе с двумя кинопроекторами и подсобным помещением.

Третье — две комнаты рядом с кухней, где стояла АТС.

Сергей начал с танцплощадки.

Усилитель не включался. Сергей открыл заднюю крышку, посмотрел внутрь и закрыл обратно. Этого было достаточно.

— Что там? — спросил Ваня, заглядывая через плечо.

— Конденсаторы вздулись. Минимум три штуки. Возможно, трансформатор.

— А это плохо?

— Это значит, что усилитель не работает.

— Понятно, — сказал Ваня. — А остальные?

Сергей включил второй усилитель. Из колонки раздался звук, напоминавший то ли далёкий гром, то ли кота, которому наступили на хвост в соседней комнате. Потом запах — едкий, специфический, хорошо знакомый любому инженеру.

— Этот работает? — с надеждой спросил Михаил.

— Работал, — поправил Сергей и выключил питание. — До сегодняшнего утра.

Михаил задумчиво потёр подбородок. Думал он явно не о конденсаторах.

В кинобудке было темно, пахло старым маслом и пылью.

Сергей включил фонарик и осмотрел первый кинопроектор. Провёл пальцем по направляющему валику, нашёл то, что искал, и поднёс к свету.

— Смотри, — сказал он Ване.

— Что это?

— Зубец. Точнее, место, где он был.

— И что это значит?

— Это значит, что плёнка идёт не туда, куда должна. Рвётся, жуётся, наматывается на вал. Кино показывать невозможно.

— А второй проектор?

Сергей подошёл ко второму. Посмотрел на валики, на лампу, на механизм протяжки.

— Лампа перегорела. Валики в порядке. Но без лампы — просто красивый металлический ящик.

Ваня записал что-то в маленький блокнот, который достал из кармана. Сергей посмотрел на него с некоторым уважением — это была неожиданная черта в семнадцатилетнем парне с портфелем, набитым учебниками.

— Записываешь?

— Вы же сами сказали — смотри. Я смотрю и записываю.

— Правильно, — сказал Сергей. — Продолжай.

АТС находилась в двух комнатах рядом с кухней.

Запах здесь был другой — металл, старая изоляция и ещё что-то неопределённое, свойственное технике, которую давно не трогали. Первая комната была небольшой: вдоль стен стояли стойки с реле, провода шли в разные стороны, кое-где свисая петлями.

Сергей несколько минут молча изучал конструкцию.

Михаил стоял у двери с видом человека, который попал на лекцию по предмету, которого не сдавал и сдавать не собирается.

— Это всё что? — наконец спросил он.

— АТС. Автоматическая телефонная станция. — Сергей указал на стойки. — Начало пятидесятых годов. Примерно одного возраста с тобой.

— Старая?

— Очень.

— Работает?

— Сейчас проверим.

Сергей нашёл на стойке первое попавшееся реле — небольшую металлическую деталь с контактами — и подвёл к нему напряжение. Реле молчало. Контакты не двигались. Сергей увеличил напряжение. Реле продолжало молчать с достоинством человека, давно выполнившего свой долг перед обществом и теперь находящегося на заслуженном отдыхе.

— Залипло, — сказал Сергей.

— Что значит залипло?

— Значит, не работает.

— Совсем?

— Это одно реле. — Сергей обвёл взглядом стойки. — Их здесь около пятидесяти.

Михаил посмотрел на стойки. Потом на Сергея. Потом снова на стойки.

— Все залипли?

— Скорее всего.

— И что это означает?

— Это означает, — сказал Сергей, — что в пионерском лагере «Заря коммунизма» нет телефонной связи. Нигде. Ни в одном корпусе.

Пауза была долгой.

— А схемы разводки есть? — спросил Ваня, не отрываясь от блокнота.

— Хороший вопрос, — сказал Сергей. — Нет.

Ваня аккуратно записал: «Схем нет».

Наталью Ивановну Сергей увидел в тот же день, ближе к вечеру.

Она шла из кухни через двор — невысокая, плотная женщина лет пятидесяти в безукоризненно белом колпаке и таком же белом фартуке. Несла судок, прикрытый крышкой, с видом человека, у которого есть дела поважнее, чем смотреть по сторонам.

Сергей посторонился, давая ей дорогу.

Наталья Ивановна окинула его быстрым профессиональным взглядом — таким, каким опытный повар оценивает качество продукта.

— Новый техник?

— Лысков. Инженер из министерства.

— Обедали сегодня?

— Нет ещё.

— Значит, обедали плохо, — констатировала Наталья Ивановна и пошла дальше.

Сергей смотрел ей вслед. Потом посмотрел на судок. Потом на часы.

Было начало шестого.

Он понял, что обедать сегодня уже не придётся, и пошёл составлять список необходимого.

Вечером Сергей сел за стол и написал два списка.

Первый — что нужно немедленно: осциллограф, генератор сигналов, паяльники, припой, провода, изолента, конденсаторы нескольких номиналов, лампы для кинопроектора. Всё это в Москве.

Второй — что нужно для АТС: новые реле, монтажный провод, схемы разводки АТС образца начала пятидесятых годов, специалист, который хотя бы видел подобную технику. Всё это — вопрос отдельного разговора.

Ваня заглянул в домик, посмотрел на списки и спросил:

— А спирт?

Сергей поднял на него взгляд.

— Что спирт?

— Ну вы же привезли спирт. Он в списке есть?

— Спирт — не в списке, — сказал Сергей. — Спирт — это отдельная статья.

— Понятно, — сказал Ваня и ушёл.

Михаил, сидевший на кровати со своим блокнотом, поднял голову.

— Он правильно спросил?

— Правильно, — согласился Сергей. — Очень правильно. Из него выйдет толк.

За окном садилось солнце. Из столовой тянуло запахом ужина. Где-то на другом конце лагеря горнист снова репетировал — теперь увереннее, чем вчера. Три такта, пауза, снова три такта, пауза — но уже короче.

Они с инструментом явно нашли общий язык.

Глава 6. «Спирт начинает решать проблемы»

Положение было, прямо скажем, незавидным. Пять литров спирта — это, конечно, не пять литров воды, но и не пять литров чуда. А чуда требовалось немало.

Сергей стоял посреди кинобудки и смотрел на два кинопроектора с видом хирурга, которому только что сообщили, что пациент жив, но скальпелей нет, анестезии нет, и вообще — «разберётесь на месте». Оба аппарата при малейшей попытке прокрутить плёнку немедленно принимались её жевать с таким аппетитом, будто всю зиму голодали. Зубцы направляющих валиков были сломаны — видимо, ещё при Сталине, — и никто с тех пор не считал нужным этим озаботиться. Михаил стоял рядом и смотрел на аппараты с выражением человека, которому показали марсианский звездолёт и попросили его починить к завтрашнему утру.

— Это... серьёзно? — спросил он.

— Серьёзнее некуда, — ответил Сергей.

— А что надо делать?

— Для начала — ехать в Москву.

Михаил просветлел. Москва — это он понимал.

«Москвич-412» Михаила был машиной с характером. Характер этот выражался в том, что при скорости выше шестидесяти километров в час он начинал мелко дрожать всем корпусом, словно намекая, что тоже имеет право на собственное мнение. Михаил ехал ровно шестьдесят и был совершенно спокоен. Ваня сидел сзади и молчал, что для него было нормой: за три дня в лагере он произнёс в общей сложности слов пятьдесят, из которых тридцать составляло «ага».

В Москву съездили за один день. Привезли осциллограф — старый, но надёжный, как партийный билет. Привезли генератор сигналов, два паяльника, катушку олова, моток провода, несколько метров изоляции и пакет с мелкими деталями, которые Сергей собирал на складе отдела с таким видом, будто берёт в дорогу носки: на всякий случай, мало ли что пригодится. Всё это Михаил уложил в багажник с неожиданной аккуратностью — видимо, сказывалась дипломатическая выправка.

Обратно ехали молча. За окном мелькали подмосковные леса, Ваня спал, Михаил думал о чём-то своём, судя по виду — возвышенном.

Три дня Сергей практически не выходил из кинобудки, если не считать выходов на обед и коротких вылазок к усилителям. Михаил подавал детали, держал паяльник, подсвечивал фонариком и время от времени предлагал перевести инструкцию к какому-нибудь прибору, на что Сергей вежливо отвечал, что инструкций нет, а если бы и были — они на русском. Ваня мотал провода и изредка говорил «ага».

К концу третьего дня усилители заработали. Потом заработали магнитофоны. Потом — проигрыватель. Из маленьких колонок в радиорубке полилась музыка, и Сергей некоторое время просто стоял и слушал, испытывая то особое профессиональное удовольствие, которое знакомо только людям, починившим что-то руками.

Михаил с Ваней тем временем развешивали громкоговорители-«колокольчики» на деревьях по всему лагерю. Зрелище было несколько живописное: высокий задумчивый Михаил с колокольчиком в руке карабкался по стремянке, Ваня придерживал её снизу и говорил «ага», а громкоговоритель раскачивался на проводе и норовил стукнуть Михаила по голове. Главное — установили колокольчики у пионерской линейки, где должны были выступать гости из парткома: чтобы речи партийных работников разносились по лагерю с надлежащей торжественностью.

Мимо кинобудки в этот момент прошла Наталья Ивановна — главный повар лагеря в неизменном белом колпаке и накрахмаленном фартуке, всегда безупречно белом, будто она каждое утро надевала новый. Она несла большой поднос, накрытый чистым полотенцем, и на ходу бросила, не останавливаясь:

— Вы б поели, молодые люди. Третий день на бутербродах сидите.

Сергей с удивлением обнаружил, что она права.

Наталья Ивановна поставила поднос на край стола и сняла полотенце. Под ним обнаружилась целая гора пирожков — румяных, пышных, явно только что из печи. Запах ударил так, что Михаил немедленно отложил паяльник, а Ваня поднял голову от мотка провода с выражением человека, услышавшего зов предков.

— Вот, с капустой, с мясом и с джемом, — сказала Наталья Ивановна, разворачивая полотенце пошире. — Джемовые — специально для тебя, — она кивнула Ване. — Видела, как ты вчера на завтрак на них смотрел.

Ваня покраснел и сказал «ага» с такой искренностью, что это, пожалуй, было самым содержательным из всего, что он произнёс за неделю.

— Не стесняйтесь, ешьте горячими. Холодные — уже не то.

Она постояла секунду, оглядела кинобудку с её проводами, паяльниками и разобранными аппаратами, покачала головой с видом человека, который многое повидал и давно перестал удивляться, и ушла — всё той же ровной, хозяйской походкой, придерживая фартук.

Сергей взял пирожок с мясом. Михаил — с капустой. Ваня уже держал в каждой руке по джемовому и смотрел на поднос с видом человека, принимающего важное стратегическое решение.

Ели молча. За окном шумели сосны, откуда-то доносился горн — пионеры шли на обед. Пирожки были настоящие: с тонким тестом, с щедрой начинкой, с той особой сдобной корочкой, которую не объяснишь никаким рецептом. Это просто умеют или не умеют.

— Хорошо готовит, — сказал Михаил негромко, почти себе.

— Очень, — согласился Сергей.

Ваня ничего не сказал. Он уже тянулся за третьим джемовым.

С кинопроекторами дела обстояли сложнее. Починить сломанные зубцы самостоятельно было невозможно: нужны были специальные детали, которые просто так в магазине не купишь. А без этого оба аппарата продолжали бы питаться плёнкой, как голодные звери.

Сергей навёл справки и выяснил, что в районе есть свои киномеханики — люди бывалые, с обширными знакомствами и таким же обширным опытом решения технических проблем вне рыночными методами. Договорился о встрече.

Киномеханики оказались двое: один постарше — основательный, с руками, навсегда пропахшими машинным маслом, второй помоложе — юркий, с глазами человека, привыкшего быстро считать в уме. Приехали на выдавшем виды «УАЗике», осмотрели оба проектора с видом патологоанатомов, не спеша, переглянулись и огласили приговор:

— Валики менять надо. И лампы. И ещё кое-что по мелочи.

— Сколько? — спросил Сергей.

— Три литра, — сказал старший, не моргнув глазом.

Сергей тоже не моргнул. Три литра — это пятнадцать пол-литровых бутылок водки. Или, если считать иначе, — больше половины того, что было выбито у Сорокина с большим трудом и под личное поручительство парткома. Но выбора не было. К открытию лагеря кинотеатр должен был работать.

— По рукам, — сказал Сергей.

Осталось два литра. Сергей мысленно отметил это с осторожным спокойствием сапёра, у которого только что кончился последний шнур.

Пока старший киномеханик ковырялся в аппаратах — деловито, без лишних слов, — Сергей разговорился с младшим. Тот охотно рассказал, как устроено районное кинообеспечение.

Система была проста и, как большинство советских систем, логична на бумаге и запутана на практике. Районный отдел кинофикации получал фильмы из Москвы и распределял их по точкам в строгой иерархии. Первым в очереди стоял санаторий ЦК КПСС — учреждение солидное, с собственным кинозалом, импортной аппаратурой и публикой, привыкшей к лучшему. После санатория фильмы шли в районный кинотеатр, оттуда — по домам культуры и прочим учреждениям по убывающей значимости. Пионерский лагерь «Заря коммунизма» в этой очереди был где-то в самом конце, соседствуя с сельским клубом и заводским профилакторием.

— Понятно, — сказал Сергей. — А санаторий ЦК давно ждёт?

— Иногда неделю, иногда две. Бывает, что фильм у них три недели крутится — гости разные приезжают, повторно смотрят.

— А если бы кто-нибудь взял фильм до санатория?

Младший посмотрел на него с нескрываемым интересом.

— Это как понимать?

— Понимать как вопрос о принципиальной возможности, — осторожно сказал Сергей.

Младший некоторое время молчал, изучая потолок кинобудки.

— Принципиальная возможность, — произнёс он наконец, — стоит литр.

— А практическая?

— Практическая — те же деньги. Просто с другим риском.

Здесь Сергей счёл нужным изложить суть дела. В пионерском лагере, сказал он, есть гости из министерства. Гости привыкли к лучшему. Гости хотят посмотреть новые фильмы. Если фильмы будут — спирт будет регулярно и в срок.

— Регулярно — это как? — спросил младший.

— Раз в две недели — литр. Первый фильм идёт сюда, потом возвращается и едет в санаторий ЦК. Санаторий ничего не знает. Плёнка возвращается целой.

Последнее слово Сергей произнёс намеренно.

Младший снова помолчал. Потом негромко сказал:

— А вот это — отдельный разговор. Плёнка — вещь нежная. В санатории ЦК аппараты — немецкие, фирменные, с бархатными подающими механизмами. Плёнку они берегут, как родную. А у вас что стояло до сегодняшнего дня?

— До сегодняшнего дня — то, что жевало плёнку на завтрак, — честно ответил Сергей.

— Вот именно. Если плёнка придёт в санаторий ЦК с царапинами или надрывами — разговор будет уже не про спирт. Там люди серьёзные, они сразу поймут, что кино кто-то крутил на чём попало. И тогда нам обоим — конец. Вам — потому что вы брали, нам — потому что давали.

Довод был весомый. Сергей его понимал. Но именно поэтому он три дня и не спал — чтобы аппараты работали как положено.

— Идите, посмотрите сами, — сказал он.

Младший встал, подошёл к первому проектору, медленно провёл пальцем по подающему механизму, потрогал новый валик, покрутил ролик, заглянул в ламповый отсек. Старший к этому времени уже заканчивал второй аппарат и молча наблюдал за братом — или кем он ему там приходился.

— Нормально, — наконец сказал младший. — Даже лучше, чем нормально.

— Значит, договорились?

Младший посмотрел на старшего. Тот пожал плечами — жест, который на языке советских технических специалистов означал «решай сам, но я не против».

— Договорились, — сказал младший. — Но плёнку — возвращать утром, без единой царапины. И никаких перемоток на скорости. И не больше одного показа за ночь.

— Само собой.

— И ещё одно, — добавил он, понизив голос, хотя в кинобудке кроме них троих никого не было. — Если что-то пойдёт не так — мы вас не знаем, вы нас не знаете. Фильм привёз неизвестный гражданин на велосипеде.

— Логично, — согласился Сергей.

Так родилось соглашение, которое в последующие недели существенно улучшило культурную жизнь пионерского лагеря «Заря коммунизма» и столь же существенно осложнило её в санатории ЦК КПСС, где никак не могли понять, почему самые свежие фильмы кинопроката в последнее время доходят до них с заметным опозданием. Впрочем, там привыкли, что всё лучшее в СССР достаётся им первыми. Мысль о том, что это правило могло иметь исключения, в санатории ЦК КПСС никому в голову не приходила.

К концу первой недели Сергей подвёл мысленный итог.

Израсходовано спирта: три литра — механикам за ремонт проекторов. В наличии осталось два литра. Один из них уже под договор о фильмах. Итого свободного — один литр.

Результат при этом был таков: работали усилители, магнитофоны, проигрыватель, оба кинопроектора. Громкоговорители развешены по всему лагерю. Достигнута договорённость о первоочередной доставке фильмов — раньше санатория ЦК КПСС.

Михаил, выслушав этот арифметический отчёт, некоторое время смотрел в потолок.

— Получается, — сказал он медленно, — что за неполную неделю и три литра спирта мы сделали то, что районный отдел кинофикации не мог сделать несколько лет?

— Примерно так, — согласился Сергей.

— За деньги так не получилось бы, — заключил Михаил.

— За деньги — нет. Спирт — это не напиток. Это валюта. Только её не печатают в Гознаке и не хранят в Госбанке.

Ваня из своего угла сказал «ага». Судя по интонации — вполне осознанно.

Оставалась АТС. Реле, ржавевшие с начала пятидесятых годов, не собирались сдаваться ни за какой спирт. По крайней мере, за тот, что ещё оставался. Но это была уже другая история — и другой разговор с Иваном Петровичем за картошкой и водкой.

Глава 7. «Открытие лагеря»

Утро открытия началось задолго до горна.

Наталья Ивановна и её помощницы появились на кухне ещё в пять утра. Сергей знал об этом, потому что сам не спал: всю ночь проверял усилители, прогонял записи через все колонки по очереди, слушал, не фонит ли микрофон на главной линейке. Ваня, которого он разбудил в половине шестого, молча надел сапоги, сказал «ага» и пошёл включать аппаратуру. Михаил спал с таким видом человека, у которого на сегодня нет никаких обязательств перед историей. Сергей решил его не трогать — переводчик понадобится вечером.

В семь утра над лагерем поплыл запах свежей выпечки. Сосны, которые обычно пахли смолой и прохладой, в это утро почему-то пахли пирогами. Сергей вышел из радиорубки, поднял голову — небо было чистое, умытое, с редкими белыми облаками, которые не обещали дождя. Хорошее утро для открытия. Может быть, самое правильное утро за всё лето.

За забором лагеря, на просёлочной дороге, уже слышался далёкий гул автобусных моторов. Они ещё не въехали в ворота, но Сергей уже знал: едут. Он вернулся в радиорубку, сел к пульта, ещё раз прогнал первую запись. Марш из «Весёлых ребят» вышел чисто, без единого хрипа. Хорошо.

В половине девятого начали съезжаться гости.

Первыми прибыли автобусы с пионерами.

Их было много — четырнадцать отрядов, и каждый шёл своим порядком: вожатый впереди, барабанщик в середине, замыкающий сзади. Красные галстуки были повязаны ровно, белые рубашки выглажены так, что, казалось, их утюжили всю ночь — что, впрочем, скорее всего, так и было. Кто-то из мам поднялся в пять утра и не лёг обратно.

Сергей наблюдал за ними из окна радиорубки. Дети выходили из автобусов шумно, с криком, с чемоданами и рюкзаками — кто-то сразу начинал носиться между деревьями, кого-то приходилось ловить вожатым. Потом всё постепенно утихло и выравнилось — дисциплина брала своё. Голоса вожатых, команды, снова тишина. Через двадцать минут четырнадцать отрядов стояли на главной поляне в три шеренги, и над ними развевались флаги отрядов — красные, с вышитыми названиями, которые кто-то вышивал долгими зимними вечерами специально к этому дню.

Иван Петрович ходил вдоль шеренг с видом человека, у которого всё под контролем. Хотя Сергей отлично знал, что у Ивана Петровича уже с утра болела голова из-за водопровода в третьем корпусе, и повар Наталья Ивановна только что сообщила, что одна газовая горелка на кухне работает через раз, и плотник Степаныч так и не починил скрипучую ступеньку на крыльце главного корпуса. Но сейчас, здесь, на главной поляне — всё было в порядке. Иван Петрович умел это делать: отложить все проблемы за спину и встречать гостей с открытым лицом. Это тоже было умение — не меньшее, чем играть на балалайке.

Гости начали прибывать в девять.

Чёрные «Волги» одна за другой въезжали через ворота и останавливались у центрального входа. Сергей смотрел на это из окна и машинально считал: одна, две, три... Семь. Восемь. Девять машин.

Выходили люди в костюмах, несмотря на летний день: пиджаки застёгнуты, галстуки на месте, лица серьёзные — как на важном совещании. Некоторые в военной форме, с планками орденов. Секретари парткомов главков, председатели месткомов, заместители начальников управлений, комсомольские секретари. Приехал и Павел Петрович Логунов, секретарь парткома министерства — тот самый, который лично помог выбить в лагерь опытного спе-

циалиста по АТС. Иван Петрович вышел встречать его к воротам, и по тому, как он слегка склонил голову при рукопожатии, Сергей понял: этот человек важен. Очень важен.

Маруся стояла у входа в клуб — прямая, в безупречной пионерской форме, с красным галстуком поверх белой блузки. Она была единственной среди всего персонала, кто встречал гостей именно так — в форме, как полагается. Остальные вожатые — в обычной одежде, немного взволнованные, немного торжественные. Двое юношей-вожатых явно потели в пиджаках, которые надели специально по этому случаю и, судя по всему, надевали второй раз в жизни.

В десять часов Сергей включил усилители на полную мощность.

Над лагерем поплыла музыка — торжественная, государственная, та, которую он заранее поставил первой: марш из кинофильма «Весёлые ребята». Потом — «Орлёнок». Потом — «Взвейтесь кострами». Он прогонял эти записи ещё ночью и знал, что они звучат правильно: чисто, без фона, с достаточной громкостью, чтобы слышно было на всей территории лагеря — от ворот до реки, от кухни до дальних корпусов.

Громкоговорители-колокольчики на соснах работали все до одного. Сергей проверил это лично — обошёл всю территорию ещё на рассвете вместе с зевающим Ваней, и каждый колокольчик отзвонил своё. Это была маленькая, никому не видная победа. Но для Сергея она была важна — именно потому, что никому не видна. Так и должна работать хорошая техника: незаметно, безупречно, как будто сама собой.

Ваня подошёл к микрофону на главной линейке, нажал кнопку включения и сказал в него негромко:

— Раз, два, три.

В радиорубке стрелка уровня качнулась и встала ровно. Сергей поднял большой палец в окно. Всё работало. Всё было готово.

Торжественная линейка началась ровно в десять тридцать.

Четырнадцать отрядов стояли на главной поляне — красные галстуки, белые рубашки, барабаны. Утреннее солнце светило в лица, и дети шурились, но не двигались — стояли смирно. Гости расположились на специально поставленных скамьях под соснами. Иван Петрович вышел к микрофону, поправил пиджак и оглядел строй.

Тишина была настоящая — не та напряжённая тишина, которая бывает перед бурей, а та, которая бывает перед чем-то хорошим. Даже сосны, казалось, затихли.

Иван Петрович говорил хорошо.

Сергей давно заметил эту его черту. Не по бумажке, без официального деревянного тона, которым обычно говорят на таких мероприятиях. Иван Петрович говорил, как человек, которому это по-настоящему важно — про лагерь, про детей, про лето, про страну. Сергей следил за стрелкой уровня сигнала и слушал вполуха, но несколько фраз всё-таки запомнил — запомнил не потому, что хотел запомнить, а потому что они сами остались.

— Этот лагерь — не просто место отдыха. Это место, где советский ребёнок учится быть советским человеком. Учится дружить. Учится работать. Учится любить Родину — не потому, что так написано в учебнике, а потому что здесь, среди этих сосен, рядом с этими ребятами, невозможно её не полюбить.

Аплодисменты были настоящие. Не вежливые — настоящие. Даже Логунов хлопал не так, как хлопают на официальных мероприятиях — размеренно, три хлопка и пауза, — а нормально. Как человек.

Потом говорил Логунов. Говорил по бумажке и дольше, чем надо — про задачи воспитания, про роль пионерской организации, про ответственность перед партией и комсомолом. Дети слушали терпеливо. Некоторые из старших отрядов смотрели строго перед собой с таким

видом, будто давно научились присутствовать телом и отсутствовать мыслью одновременно. Это тоже было умение — полезное в советской жизни.

Сергей не обращал на содержание речи никакого внимания. Стрелка уровня стояла ровно. Микрофон не фонил. Каждое слово расходилось по лагерю чисто и отчётливо. Это тоже была победа.

Потом был торжественный подъём флага.

Барабанщики — двое, мальчик и девочка из первого отряда — вышли вперёд. Мальчик был серьёзный, с прямой спиной. Девочка покосилась на него одним глазом — проверила, готов ли. Он был готов. Они отбили дробь одновременно, чисто, без единой ошибки, и дробь эта прокатилась по всей поляне и ушла в сосны.

Флаг пошёл вверх.

Медленно, как и положено — не торопясь, не рывками. Красное полотнище разворачивалось на подъёме, и когда оно наконец вышло на ветер над соснами — красное, яркое, живое на голубом небе — что-то произошло на поляне. Что-то неуловимое, что нельзя записать в журнал и нельзя включить в отчёт, но что каждый человек на этой поляне почувствовал в одну и ту же секунду.

Сергей тоже почувствовал. Что-то простое и настоящее. Может быть, это было именно то, о чём говорил Иван Петрович.

Четырнадцать отрядов отсалютовали — чисто, одновременно, все руки на одном уровне. Видно было, что готовились. Что репетировали. Что хотели сделать правильно.

И вот в этот момент — в самый торжественный, в самый неподходящий, как это всегда бывает, — у Коли Ершова из седьмого отряда слетела пилотка.

Порыв ветра подхватил белую пилотку и потащил её прямо к ногам гостей — к первому ряду скамей, где сидел Логунов.

Коля стоял во втором ряду. Рука у виска. Спина прямая. Он побелел мгновенно — так бледнеют только дети, когда понимают, что что-то пошло очень не так, а сделать ничего нельзя. Строй есть строй. Команды «вольно» не было. Шевельнуться нельзя. Только глаза — отчаянно, беспомощно — следили за улетающей пилоткой.

Но Люся успела раньше.

Пионервожатая Люся Громова стояла сбоку от седьмого отряда — невысокая, быстрая, с тугой тёмной косой, с безупречно повязанным галстуком. Она увидела пилотку в ту же долю секунды, что и Коля — может быть, даже раньше. Опытный вожатый боковым зрением видит всё.

Она не побежала. Не вскрикнула. Не замахала руками, привлекая внимание. Она сделала то, что отличает настоящего вожатого от просто вожатого: два небольших шага вперёд и в сторону — будто поправляла своё место в строю, — потом наклонилась с таким совершенно естественным видом, словно у неё развязался шнурок на правом ботинке. Подхватила пилотку с земли одним лёгким движением, выпрямилась, развернулась вполборота к Коле и протянула пилотку назад — спокойно, без суеты, как будто передавала карандаш.

Колина рука, вытянутая у виска, чуть дрогнула. Пальцы нашли пилотку. Пилотка легла на голову.

Всё это заняло четыре секунды. Может быть, пять.

Логунов в это время смотрел на флаг. Иван Петрович — на барабанщиков. Маруся — Маруся повернулась именно в эту секунду к Алёше и что-то ему говорила, показывая в блокнот.

Никто ничего не видел.

Только Сергей — из окна радиорубки, с высоты, с правильным углом обзора — видел всё от начала до конца. И ещё Коля Ершов, который теперь стоял прямой и серьёзный, с пилоткой на голове, рука у виска, как будто ничего не было. Только уши у него стали такими красными, что это было заметно даже с расстояния двадцати метров. Такими красными бывают уши только у мальчиков двенадцати лет, которые только что были спасены от катастрофы и ещё не успели это осмыслить.

Люся вернулась на своё место. Коса у неё не качнулась. Галстук лежал ровно.

Сергей улыбнулся — тихо, сам себе — и чуть прибавил громкость. Торжественная музыка пошла в самый раз.

После линейки был обед.

Наталья Ивановна и её команда работали с раннего утра — Сергей это знал по запаху, который с восьми утра шёл с кухни через весь лагерь и не давал покоя. Столы в столовой были накрыты с необычной торжественностью: белые скатерти, вазочки с полевыми цветами — ромашки, колокольчики, иван-чай — которые кто-то успел набрать в лесу ещё до завтрака, пока роса не сошла.

Пионеры ели борщ — настоящий, густой, с мясом и со сметаной. Котлеты с картофельным пюре. Салат из свежих огурцов и помидоров с укропом. Хлеб — белый, выпеченный утром, ещё тёплый. Компот из вишни. В столовой стоял такой шум, какой бывает только там, где много детей и им хорошо: звон ложек, смех, чьи-то перекикивающиеся голоса, стук стульев. Живой шум.

Гости обедали отдельно, в комнате при столовой — там был накрыт отдельный стол, за который Наталья Ивановна и две её помощницы носили блюда одно за другим, неслышно, быстро, с профессиональным достоинством. Иван Петрович сидел во главе стола. Логунов сидел справа от него и время от времени кивал — с видом человека, который в целом доволен, но привык не показывать этого слишком открыто. Для таких людей сдержанный кивок — это уже высокая похвала.

Сергей заглянул в столовую только на минуту — убедиться, что музыка из динамиков в зале звучит правильно: не слишком громко, чтобы не мешала разговору, и не слишком тихо, чтобы тишина не давила. Она звучала как надо: негромко, фоном, «Подмосковные вечера». Вальс плыл над белыми скатертями и вазочками с ромашками, и это было правильно.

Вечером пионеры выступали.

Программу Сергей знал наизусть — неделю согласовывал её с вожатыми, менял последовательность, подбирал записи под каждый номер. Хор первого отряда открывал концерт — «Взвейтесь кострами», потом «Картошка». Второй отряд показал сценку про Зарницу — смешную, с переодеваниями и с самодельными автоматами из картона, которые мастерили три вечера подряд. Третий отряд танцевал — этот танец они репетировали две недели, и девочки, которые в нём участвовали, к концу первой недели уже видели его во сне и просыпались с нужным движением руки. Четвёртый читал стихи о Ленине — торжественно, чуть громче, чем надо, как читают дети, когда очень стараются. Пятый показал акробатику — пирамиды, стойки, перекувы, — и это был лучший номер вечера, потому что за акробатикой следили с открытыми ртами.

Сергей сидел у пульта в радиорубке и переключал записи вовремя — без пауз, без неловких секунд тишины, когда дети стоят на сцене и не знают, что делать. Он знал цену этим секундам. Видел, как они убивают выступление.

Зал был полный. Гости сидели в первых рядах — строгие, в пиджаках. Пионеры позади — живые, шумные, болеющие за своих. Когда третий отряд танцевал, кто-то из зала крикнул

«Молодцы!» — не из первых рядов, конечно, а из задних, где сидели старшие пионеры, — и зал засмеялся и захлопал по-настоящему, от души, а не по команде.

Иван Петрович смотрел на сцену с таким выражением лица, будто видел это впервые. Хотя, наверное, видел уже в девятый или десятый раз — каждый год одно и то же, открытие за открытием, концерт за концертом. Но выражение лица было именно такое — живое, тронутое. Как будто каждый раз впервые.

Маруся сидела у стены — прямая, с блокнотом, делала пометки. Что она там записывала — Бог знает. Может быть, замечания. Может быть, план следующего мероприятия. Может быть, что-то совсем другое. Маруся была человеком, у которого всегда есть план.

После ужина показали фильмы.

Для младших отрядов — «Приключения Буратино», советский, 1975 года, цветной. Это был хороший выбор — Сергей знал это заранее, ещё когда ставил кассету в аппарат. Младшие смотрели с восторгом, который нельзя сыграть и нельзя изобразить: настоящим, полным, детским восторгом. Буратино убегал от Карабаса — зал ахал. Мальвина строила глазки Буратино — зал хихикал. Пьеро страдал над своими стихами — зал смеялся, хотя Пьеро было жалко. Кто-то кричал подсказки на экран. Кто-то на кого-то шикал. Кто-то шикавших шикал в ответ. Именно так и должны дети смотреть кино: всем телом, во весь голос, не думая о том, прилично это или нет.

Для старших отрядов — и для гостей, которые задержались после ужина, — французская комедия «Высокий блондин в чёрном ботинке». Пьера Ришара в Москве тогда знали немногие. Гости смотрели сначала осторожно — незнакомое кино, незнакомый язык, — потом всё менее осторожно, потом совсем не осторожно. Логунов засмеялся дважды — оба раза негромко, но по-настоящему. Его сосед слева засмеялся три раза и значительно громче.

Михаил переводил из кинобудки — тихо, в микрофон, спокойным ровным голосом, чуть опережая действие на экране, чтобы слово падало точно в нужный момент. Он умел это делать так, что перевод не мешал изображению, а шёл вместе с ним — как тень, как эхо. Гости несколько раз оглядывались, ища, откуда голос. Не находили. Перевод шёл словно из самого фильма, словно французские актёры вдруг заговорили по-русски — легко, без акцента, с правильной интонацией.

После сеанса Логунов подошёл к Ивану Петровичу и сказал что-то негромко. Иван Петрович кивнул. Потом нашёл Сергея у радиорубки и сказал:

— Логунов спрашивает, откуда фильм. Говорит, такого в Москве ещё не видел.

— Районный кинопрокат, — ответил Сергей.

Иван Петрович посмотрел на него с выражением человека, который всё понимает и ценит деликатность именно там, где она нужнее всего.

— Районный, конечно, — повторил он тихо и ушёл.

Гости разъехались около одиннадцати.

Последняя «Волга» выехала за ворота. Красные огни её удалялись по просёлочной дороге — раз, два, три мигания за деревьями — и исчезли. Лагерь остался со своей тишиной: соснами, звёздами, дальним лаем собаки где-то за рекой.

Пионеры давно спали. Вожатые сидели на крыльце одного из корпусов — пили чай, разговаривали вполголоса, как разговаривают только поздно ночью, когда усталость уже прошла, а спать ещё не хочется. Кто-то тихо перебирал гитарные струны — не играя никакой мелодии, просто так, следуя пальцами куда-то. Люся Громова сидела среди них — с расплетённой косой, с кружкой чая в обеих руках. Тихая, довольная. Никто не знал про пилотку. Никто, кроме Коли Ершова, который лежал в своём корпусе в темноте и, вероятно, уже дал себе торжественное пионерское слово, что такого больше никогда не случится. Никогда в жизни.

Сергей дописывал журнал, когда в дверь постучали.

Это был Алёша — помощник Ивана Петровича, тихий парень, который весь этот долгий день сновал по лагерю со списком в руках и решал то, что Иван Петрович не успевал решить сам.

— Иван Петрович просит вас зайти к нему, — сказал Алёша. — Если не устали, конечно.

— Скажи, что иду, — ответил Сергей.

Он закрыл журнал, выключил последний усилитель, прислушался — тихо потрескивал, остывая, — и вышел.

Домик начальника лагеря стоял на опушке леса, там, где сосны расступались и открывался небольшой луг с высокой тёмной травой. Сергей шёл по тропинке, слушая, как под ногами похрустывают сосновые иглы. Ночь была тёплая, без ветра, небо густо усыпано звёздами — такое небо бывает только за городом, только в такие ночи, когда воздух совсем чистый. Где-то в темноте пел сверчок — монотонно, терпеливо, как будто у него было ещё очень много времени.

Из окон домика падал мягкий жёлтый свет.

Сергей остановился на секунду. Постоял. Потом постучал.

— Входи, входи! — послышался голос Ивана Петровича — не тот, что весь день, деловой и чуть усталый, а другой: тёплый, домашний, какой бывает у человека, который наконец снял пиджак и позволил себе выдохнуть.

Сергей вошёл и остановился в дверях.

Стол был накрыт.

Наталья Ивановна, видимо, поработала здесь заранее — и не торопясь, и с душой. В центре стола стояла большая чугунная сковорода с мясом — ещё тёплая, от неё шёл лёгкий душистый пар с запахом чеснока и жареного лука. Рядом — глубокая миска с картофелем, тушённым с луком, морковью и лавровым листом, с золотистой корочкой сверху. Капуста квашеная с клюквой в низкой глиняной плошке — острая, хрустящая, с тем особым кисловатым духом, который не спутаешь ни с чем. Голубцы в отдельной кастрюльке под плотной крышкой — плотные, домашние, с мясом и рисом в тугих капустных листьях. Хлеб — белый, нарезанный толстыми неровными ломтями, как режут дома, а не в столовой. И посередине всего этого — бутылка грузинского вина, тёмно-красного, с простой бумажной этикеткой, без затей.

— Присаживайся, — Иван Петрович кивнул на стул напротив. — Наталья Ивановна с утра старалась. Грех не воздать должное.

Он взял бутылку, наполнил два стакана — неторопливо, аккуратно, как человек, который уважает и вино, и момент, и собеседника.

— За открытие, — сказал он просто. Без речей. Без тоста.

Чокнулись. Выпили.

Вино было хорошее — тёплое, с горчинкой, настоящее. Не то, что продавали в московских магазинах под общей маркой «Грузинское». Другое. Сергей не был знатоком вина, но разницу почувствовал сразу.

Мясо было отличное — мягкое, с чесноком и с той особой жареной корочкой, которая получается только на чугунной сковороде и только у людей, которые готовят не по рецепту, а по чутью, по памяти рук. Голубцы — плотные, сытные, с рисом и морковью, в кисло-сладкой томатной подливке. Капуста хрустела так, как должна хрустеть квашеная капуста — коротко, сочно, с лёгкой кислинкой на языке.

Помолчали. Это было хорошее молчание — не неловкое, не вынужденное, а то редкое молчание, которое бывает между двумя людьми, когда им не нужно заполнять тишину словами.

— Хорошее было открытие, — сказал наконец Иван Петрович, накладывая себе капусты. — Одно из лучших за все годы. Это я тебе говорю не для красного словца. Дети выступали с душой. Логунов остался доволен.

— Аппаратура не подвела, — ответил Сергей.

— Не в аппаратуре дело. — Иван Петрович покачал головой. — Аппаратура — это инструмент. Инструмент может быть хоть самый лучший, а всё равно — мёртвый. А вот когда инструмент в правильных руках — это уже другой разговор. Это уже живое.

Он отпил вина, поставил стакан, посмотрел куда-то в угол комнаты.

Сергей проследил за его взглядом.

В углу, у стены, стоял футляр.

Иван Петрович поднялся из-за стола — не торопясь, с той основательностью, с какой встают люди, привыкшие делать каждое движение осмысленно. Подошёл к углу. Нагнулся, расстегнул замки футляра — один, второй — и достал балалайку.

Сергей не ожидал этого.

Балалайка была старая — гриф потемневший, отполированный многолетними прикосновениями пальцев, корпус с небольшой царапиной у нижнего края, с той особой патиной времени, которую не купишь и не сделаешь специально. Но струны натянуты правильно, и когда Иван Петрович сел обратно на стул и тронул их первый раз — просто провёл большим пальцем, пробуя звук, — звук вышел чистый, глубокий, объёмный. Совсем не такой, каким обычно представляют этот инструмент люди, никогда не слышавшие настоящей игры. Не ярмарочный, не лубочный. Настоящий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.